

и хорошо сдѣлаешь — вознаградишь себя за то, чего ты лишился. О, я тебѣ насажу такихъ вещей, отъ которыхъ и у тебя захватитъ сердце, и у тебя въ душѣ родится сомнѣніе и ненависть... Глупецъ! глупецъ!.. Ты думаешь, что когда разъ понравился 17-лѣтней дѣвушкѣ, то она твоя навѣки — что она не можетъ любить другого, видѣвши разъ такое совершенство, какъ ты... а я тебѣ скажу теперь, подтвержу клятву, что знаю человѣка, для котораго она забыла мужа, долгъ, законъ, честь, даже самолюбіе; человѣка, для котораго она была готова отдать жизнь, служить ему рабой; человѣка, который тысячу разъ долженъ бы былъ задушить ее въ своихъ объятіяхъ — если бы отгадалъ будущее...

Юрій: — Наконецъ ты долженъ мнѣ сказать, кто онъ? Я вырву у тебя изъ гортани это проклятое имя.

Дмитрій Петровичъ (слабо): — Федосей... что они дѣлаютъ? Позови ихъ, я хочу приститься.

Федосей: — Отвернитесь, батюшка, не смотрите.

Юрій: — А, ты молчишь! Такъ я тебя приложу (хватаетъ на столѣ саблю).

Дмитрій Петровичъ: — Дѣти, дѣти!.. убійство... остановите ихъ... братъ на брата — Господи, возьми меня скорѣй... (Упадаетъ).

Федосей: — Помогите!.. холоденъ! (Упадаетъ на коѣнни и цѣлуетъ руку старика).

Александръ (вырываетъ саблю и бросаетъ на полъ). — Дѣти! и ты думаешь, что силой, страхомъ изъ меня можно что-нибудь выпытать... Ты грозилъ смертью, кому?.. Брату... Что, если бы я позволилъ тебѣ убить себя... Но я не такъ жестокъ — я самъ скажу, все... Твой соперникъ, счастливый соперникъ — я!

Юрій: — Ты?

Александръ: — Теперь продолжай вѣрить женщинамъ, вѣрь любви, вѣрь добродѣтели — твой ангелъ лежалъ здѣсь, на этой груди; слѣды твоихъ поцѣлуевъ выжжены моими... я выкалъ изъ сердца Вѣры все, что въ немъ было похожего на добродѣтель, и на твою долю не осталось ничего.

(Юрій, закрывъ лицо руками).

Дмитрій Петровичъ (умираетъ): Дѣти... Юрій... Юрій...

Юрій: — Мое имя... отецъ... онъ умираетъ. (Бросается къ нему).

Федосей: — Скончался.

Юрій: — Не можетъ быть... (Хватаетъ руку).

О!.. (Юрій упадаетъ безъ чувствъ на полъ. Александръ стоитъ надъ нимъ и качаетъ головою).

Александръ: — Слабая душа... И этого не могъ перенести...

